

Commenter en russe le texte suivant et le traduire de [l. 1] « Я приезжал в Кисловодск каждое лето ... » jusqu'à [l. 24] «... не знают законов социальных отношений. ».

Я приезжал в Кисловодск каждое лето и всегда заставал там Виталия – до тех пор, пока меня не отделили от Кавказа движения различных большевистских и антибольшевистских войск, происходившие на Дону и на Кубани. И только за год до моего отъезда из России, во время Гражданской войны, я опять приехал туда и снова
5 увидел на террасе нашей дачи согнувшуюся в кресле фигуру Виталия. [...]

– Что делать? Я, брат, старый пессимист. Ты, говорят, хочешь поступить в армию?

– Да.

– Глупо делаешь.

10 – Почему?

Я думал, что он скажет «эти идиоты». Но он этого не сказал. Он только опустил голову и проговорил:

– Потому что добровольцы проиграют войну.

Мысль о том, проиграют или выиграют войну добровольцы, меня не очень
15 интересовала. Я хотел знать, что такое война, это было все тем же стремлением к новому и неизвестному. Я поступал в Белую армию потому, что находился на ее территории, потому, что так было принято; и если бы в те времена Кисловодск был занят красными войсками, я поступил бы, наверное, в Красную армию. Но меня удивило, что Виталий, старый офицер, относится к этому с таким неодобрением. Я не
20 вполне понимал тогда, что Виталий был слишком для этого умен и вовсе не придавал своему офицерскому чину того значения, какое ему обычно придавалось. Но все же я спросил его, почему он так думает. Равнодушно поглядев на меня, он сказал, что они, то есть те, в чьих руках находится командование антиправительственными войсками, не знают законов социальных отношений.

25 – Там, – сказал он, оживляясь, – там вся северная голодная Россия. Там, брат, идет мужик. Знаешь ли ты, что Россия крестьянская страна, или тебя не учили этому в твоей истории?

– Знаю, – ответил я. Тогда Виталий продолжал.

30 – Россия, – говорил он, – вступает в полосу крестьянского этапа истории, сила в мужике, а мужик служит в Красной армии.

У белых, по презрительному замечанию Виталия, не было даже военного романтизма, который мог бы показаться привлекательным; Белая армия – это армия мещанская и полунинтеллигентская. [...]

Он помолчал с минуту и потом отрывисто спросил:

35 – Сколько тебе лет?

– Через два месяца будет шестнадцать.

– И черт несет тебя воевать?

– Да.

– А почему, собственно, ты идешь на войну? – вдруг удивился Виталий.

- 40 Я не знал, что ему ответить, замаялся и, наконец, неуверенно сказал:
– Я думаю, что это все-таки мой долг.
– Я считал тебя умнее, – разочарованно произнес Виталий. – Если бы твой отец был жив, он не обрадовался бы твоим словам.
– Почему?
- 45 – Послушай, мой милый мальчик, – сказал Виталий с неожиданной мягкостью.
– Постарайся разобраться. Воюют две стороны: красная и белая. Белые пытаются вернуть Россию в то историческое состояние, из которого она только что вышла. Красные ввергают ее в такой хаос, в котором она не была со времен царя Алексея Михайловича.
- 50 – Конец смутного времени, – пробормотал я.
– Да, конец смутного времени. Вот тебе и пригодилась гимназия.
– И Виталий принялся излагать мне свой взгляд на тогдашние события. Он говорил, что социальные категории – эти слова показались мне неожиданными, я все не мог забыть, что Виталий – офицер драгунского полка, – подобны феноменам,
55 подчиненным законам какой-то нематериальной биологии, и что такое положение если и не всегда непогрешимо, то часто оказывается приложимым к различным социальным явлениям.
– Они рождаются, растут и умирают, – говорил Виталий, – и даже не умирают, а отмирают, как отмирают кораллы. Помнишь ли ты, как образуются коралловые
60 острова?
– Помню, – сказал я. – Я помню, как они возникают; и, кроме того, я сейчас вспоминаю их красные изгибы, окруженные белой пеной моря, это очень красиво; я видел такой рисунок в одной из книг моего отца.
– Процесс такого же порядка происходит в истории, – продолжал Виталий.
65 – Одно отмирает, другое зарождается. Так вот, грубо говоря, белые представляют собой нечто вроде отмирающих кораллов, на трупах которых вырастают новые образования. Красные – это те, что растут.
– Хорошо, допустим, что это так, – сказал я; глаза Виталия вновь приняли обычное насмешливое выражение, – но не кажется ли тебе, что правда на стороне
70 белых?
– Правда? Какая? В том смысле, что они правы, стараясь захватить власть?
– Хотя бы, – сказал я, хотя думал совсем другое.
– Да, конечно. Но красные тоже правы, и зеленые тоже, а если бы были еще оранжевые и фиолетовые, то и те были бы в равной степени правы.
- 75 – И кроме того, фронт уже у Орла, а войска Колчака подходят к Волге.
– Это ничего не значит. Если ты останешься жив после того, как кончится вся эта резня, ты прочтешь в специальных книгах подробное изложение героического поражения белых и позорно-случайной победы красных – если книга будет написана ученым, сочувствующим белым, и – героической победы трудовой армии над
80 наемниками буржуазии, – если автор будет на стороне красных.

Гайто Газданов (1903-1971), *Вечер у Клэр*, 2006.